

«ОДУХОТВОРИВ РУССКУЮ ПОЭЗИЮ...»

Сегодня исполняется 200 лет со дня рождения одного из основоположников новой русской поэзии Василия Андреевича Жуковского.

По образному выражению Белинского, Жуковский дал русской поэзии «душу и сердце». Этими словами он подчеркнул значение Жуковского как зачинателя русской психологической лирики.

Эстетическое воздействие творчества Жуковского так или иначе испытывали на себе все современники «золотого века» русской поэзии. Пушкин, называвший себя его учеником, писал К. Ф. Рылееву в 1825 году: «Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности, к тому же переводный слог его останется всегда образцовым». Эту мысль продолжил В. Г. Белинский: «...Жуковский, кроме того, имеет великое историческое значение вообще; одухотворив русскую поэзию романтическими элементами, он сделал ее доступно для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина».

В одном из писем к П. А. Вяземскому в 1815 году (!) Жуковский делится необычайной радостью: «Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным... Нам всем надо соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет». Каким даром предвидения надо обладать, чтобы в пятнадцатилетнем

разглядеть великого поэта!

Творческие открытия Жуковского заметно повлияли на первые литературные опыты и более позднюю лирику Лермонтова. В тетради ученика Благородного пансиона при Московском университете сохранилась собственноручно переписанная поэма Байрона «Шильонский узник» в переводе Жуковского. До последнего года жизни опального поэта автор «Певца во стане русских воинов» принимал деятельное и небезопасное участие в его судьбе.

Хотя по своим убеждениям Жуковский был сторонником просвещенной монархии, Николай I не без оснований выговаривал ему за то, что его «называют главой партии, защитником всех тех, кто только худ с правительством».

Огромна роль Жуковского в судьбе Тараса Шевченко. В 1838 году в устроенной Жуковским и его друзьями лотерее был разыгран его портрет, написанный великим Карлом Брюлловым. За вырученные 2500 рублей устроители лотереи выкупили у помещика Энгельгардта крепостного художника и поэта — будуще-

го автора бессмертного «Кобзаря».

Поэт и переводчик с европейской славой, неистощимый автор пародий и шуточных посланий, серьезный полемист, Жуковский был душой литературного общества «Арзамас», основанного на дружеском и творческом единстве участников. Этот круг друзей Жуковский называл своим «ареопогом» — высшим судом.

Недостаток места не позволяет полностью проследить отношения Жуковского с Пушкиным, Далем, Шевченко и другими, через которых он как бы опосредованно связан с историей Оренбургского края. Но великий автор и переводчик эглических импровизаций имеет и прямое отношение к Оренбуржью. Летом 1837 года, сопровождая Александра-II, тогда наследника, в его турне по России и Западной Европе, Жуковский проехал по необозримым просторам губернии — южной границе Российской империи. От тех дней в архиве поэта остались лишь отрывочные дневниковые записки «для памяти». Сейчас, почти через полтора века, эти короткие называемые фразы приобрели значение, выходящее далеко за рамки этнографии. В книге «Писатели-классики в Оренбургском крае» Н. Е. Прянишников приводит некоторые из этих записей, полностью опубликованных в журнале «Русская старина» за 1902 год.

На пути из Сибири экспедиция достигла уральских верховьев и мимо казачьих крепостей и станиц двинулась на юг. Вот запись от 10 июня: «Переезд из Верхнеуральска. Начало степи. Конвой. Спасская крепость. Прекрасное впечатление степи: необъятность, зелень, по всему пространству пение птиц. Облака. Пост сторожевой. Инвалидные (старослужащие — В. К.) казаки. Магнитная станица (нынешний Магнитогорск — В. К.). Слева отдельные горы за Уралом.

Справа за горизонтом голубая гряда гор. Вероятно, Губерлинские горы в большом отдалении; дорога ровная, усыпанная мелким хрящом (песком с галькой — В. К.). Два ряда кольев. Степь, прерываемая возвышениями, покрытыми травой. В одном месте к голым горам примкнуто несколько прекрасных березовых рощ...». «Обедали в Сыртинской с ужасным множеством мух. Ночевали в Таналыкской (ныне — дно Таналыковского залива Ириклинского водохранилища — В. К.) с великим множеством тараканов». На следующий день: «Переезд из Таналыкской до Ильинской... Кочевье киргизских пастухов. Обедали в Орской крепости. Партии казаков. Дорога вся в порядке... Между Хабарской и Губерлинской как будто в малом виде большие горы со всеми их деталями. Но ни кустика, ни капли воды. Все покрыто ковылем и пусто. Взмывавшаяся и окаменевшая пустыня. Чудный вид с высокого пункта, который я срисовал».

Продолжение в тот же день: «Переезд из Верхнеуральской в Оренбург. Крутой спуск при выезде. Степь ровная, но более плодоносная, разнообразие трав... Прекрасная дорога по крутому берегу Урала. Приезд в Оренбург в три часа пополудни: тотчас с Далем на берег. Роща за Уралом...». Можно с уверенностью предположить, что неприменной темой тогдашних бесед патриарха русской поэзии и великого лексикографа были их общая боль — Пушкин.

Живущий на широкую ногу оренбургский военный губернатор В. А. Перовский сделал все, чтобы поразить воображение именитых гостей. 13 июня Жуковский внес в свой дневник детали «экзотических» представлений, усвоенных в их честь: «...После обеда азиатский праздник. Киргизское кочевье (кибит-

ка)... Скачка вокруг холма. Скакали лошади некованные и некормленные... Скачки на верблюдах. Пляска: башкирская. Борьба башкир с киргизами. Музыка башкирская. Музыкант: курайчи; инструмент: курай—или чебызга. Юрлауши — певец. Баксы, или колдун киргизский; змея, прыганье на саблю, иступление. Чай в кибитке. Театр в галерее. Возвращение домой и разговор с Далем».

Заметки от 15 и 16 июня напоминают о переезде в Уральск, входивший тогда в состав Оренбургской губернии. Дальше: «17 июня. Переезд из Уральска в Бузулук... Дорога прекрасная. Дождь. Холодный день. Степь сменяется небольшими возвышенностями. Бузулук — бедный город с большой площадью, на которой находятся полуразрушенные присутственные места. Удвоенное население уезда от переселенцев, коих состояние бедственное».

О пути из Бузулука: «Приятная дорога. Богатые поляны, зеленые горы. Дубы и березы. Сурковые бугры... Обед в Бугуруслане. Живописное местоположение на полугоре на берегу Кинеля...».

Не осталось художественного отображения увиденного и прочувствованного Жуковским в Оренбургском крае. Но уже сами его дорожные заметки говорят о силе впечатлений от вольных просторов степи в пору ее цветения, от горных ландшафтов «в малом виде» на востоке края, от этнографического разнообразия губернии. Все это, думается, не могло не сказаться на «творческом самочувствии» В. А. Жуковского — по аналогии с невидимыми грунтовыми водами, питающими кристалльные родники.

В. КУЗНЕЦОВ,
действительный член Географического общества СССР.